

doi:10.15421/171632

УДК 101.1

Философия успеха: критика бинаризма

С.Р. КАРПЕНКО

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г.Днипро, Украина

Авторское резюме

Рассматриваются категории социальной успешности-неуспешности, предлагается критический подход к данной бинарной оппозиции как к устаревшей форме социального дискурса и систем самопрезентации и самоидентификации. Взамен номотетического принципа предлагается принцип идеографизма, позволяющий более точно описывать субъекта в системах социального взаимодействия.

Ключевые слова: успех; неуспех; бинаризм; идеографизм; деятельность; дискурс; субъект; структура

Philosophy of success: criticism of binarism

S.R. KARPENKO

Oles Honchar Dnepropetrovsk national university, Dnipro, Ukraine

Abstract

The categories of social success-unsucces are examined, the critical going is offered near this binary opposition as to the out-of-date form of social discourse and systems of self-presentations and self-definition. In exchange nomothetic principle, principle of ideographic allowing more exactly to describe a subject in the systems of social cooperation is offered.

General aim hired – to show, whatever the usual, standard, generally accepted, popular formulas of success have and can not have no universal value on the essence. In this connection it is necessary to subject to criticism so widespread conception of binarism, that in an obvious or hidden kind is in grounds to the traditional, conservative culture and philosophy.

This position can come forward as founding for new social epistemology, in that binarism not abolished, but becomes one of possible variants, that is suitable for description of a limit number of social cooperations.

General aim hired – to show, whatever the usual, standard, generally accepted, popular formulas of success have and can not have no universal value on the essence. In this connection it is necessary to subject to criticism so widespread conception of binarism, that in an obvious or hidden kind is in grounds to the traditional, conservative culture and philosophy. This position can come forward as founding for new social epistemology, in that binarism not abolished, but becomes one of possible variants, that is suitable for description of a limit number of social cooperations.

The modern theories of alternative sociality do not suppose the presence of single criteria of estimation of different, extraordinarily various vital scenarios. What be more, all possible vital scenarios can be described out of scopes of paradigm approach and considered as a single multivalent structure is the semantic field, where any certain choice depends only on individuality of everybody.

By the result of consideration of binary opposition «success-failure» the radical rethinking must become, if pleasingly, destruction and de-construction of principle of binarism and orientations on initially set, and in fact, constructed public ideals, understanding of that circumstance, that these values are not that another, as a result of fully certain historical type of public device. It is thus impossible not to notice that society in the motion constantly products the new forms of social practices and sociocultural discourse, that even if does not change him fully, then in any event, substantially influence on his development. The account of this circumstance must be related to abandonment from traditional research receptions and creation by new social epistema, as only in this case social knowledge is able to save the heuristic potential.

Keywords: success; unsucces; binarism; ideographic; activity; discourse; subject; structure

Філософія успіху: критика бінарizmu

С.Р. КАРПЕНКО

Дніпропетровський національний університет імені Олеся Гончара, м. Дніпро, Україна

Авторське резюме

Розглядаються категорії соціальної успішності-неуспішності, пропонується критичний підхід до цієї бінарної опозиції як до застарілої форми соціального дискурсу і систем самопрезентації і самоідентифікації. Натомість взамін номотетичного принципу пропонується принцип ідеографізму, який дозволяє більш точно досліджувати і розуміти суб'єкта в системах соціальної взаємодії.

Ключові слова: успіх; невдача; бінаризм; ідеографізм; діяльність; дискурс; суб'єкт; структура

© С.Р. Карпенко, 2016

Большинство современных исследований в области социальной философии, так или иначе посвященные успеху и избеганию его вечного спутника – неудачи, неуспешности, поражения, всецело находятся во власти данной бинарной оппозиции, выраженной как продолжение традиции номотетической установки, ориентирующей на определенную норму, правило, закономерность. В качестве примеров можно назвать целый ряд современных авторов, которые в своей работе продолжают применять данную, вполне традиционную эпистему, отмечая при этом радикальные изменения в общественном сознании и ценностных ориентирах современного общества: «Знаковым для современных реалий является понятие «успех», реанимированное и наполненное новыми смыслами либерально-демократической идеологией и рыночной экономикой, ориентирующими на достижение высокого социального статуса и обретение материального благополучия. Появление в нашем обществе «успешных» политиков, «успешных» предпринимателей, «успешных» артистов и спортсменов продемонстрировало, что на арену социальной действительности не только вышли новые профессии, такие как предприниматель или политик, но и произошли сдвиги в понимании содержания старых» [4, с. 1]. Подобная установка содержится также в статье С.В. Голубева [2], равно как и во многих других работах, посвященных данной проблеме. Создается впечатление, что бинарная оппозиция «успех-неудача» является достаточно комфортной эпистемологической рамкой, задающей общую направленность исследований в данной области.

Исследователями часто упускается из виду то обстоятельство, что в области социальной жизни нет однозначных критериев успешности или неуспешности и уж во всяком случае о подобных вещах можно судить лишь в конце значительных жизненных периодов каждого человека или же вовсе в конце всей его жизни. Это хорошо понимали уже древние авторы, например Геродот в своей истории приводит пример царя Креза и его гостя – одного из семи греческих мудрецов – Солона, который на вопрос царя о самом счастливом человеке привел в пример никому неизвестного афинского гражданина, умершего в достатке и обладавшего гражданскими добродетелями, поскольку лишь завершенная жизнь позволяет судить о действительном счастье или удаче. [1, с. 19]. Крез, несмотря на свое возмущение, вскоре получил повод убедиться в справедливости такого подхода на своем собственном примере. Подобными описаниями и нравоучениями изобилует древняя и средневековая литература, демонстрируя современным авторам, насколько сложными и неоднозначными были представления о социальной успешности в различные эпохи.

Урок, полученный Крезом, вполне актуален и в наши дни, когда происходит смена со-

циальных норм и стереотипов, отказ от жестких нормативных, номотетических парадигм в общественности и давно наметившийся переход к более мягким в методологическом отношении подходам.

Общая цель данной работы – показать, что привычные, стандартные, общепринятые, популярные «формулы успеха» не имеют и не могут иметь по своей сути никакого универсального значения. В связи с этим следует подвергнуть критике столь распространенную концепцию бинаризма, которая в явном или скрытом виде присутствует в основаниях традиционной, консервативной культуры и философии.

На данную концепцию явно или неявно опирались французские структуралисты 1960-х годов, следовавшие за «Структурной антропологией» Леви-Стросса. Но нельзя не видеть, что истоки данного метода заложены уже Фердинандом де Соссюром в его «Курсе общей лингвистики» [3], которая буквально пронизана бинарными оппозициями: различие языка и речи, означаемого и означающего, синхронии и диахронии. Традиционно полагают, что бинаризм (англ. binarism) – это эпистемологическая установка, утверждающая, что структура бинарных оппозиций (хорошо – плохо, добрый – злой, активный – пассивный и т.п.) является одной из существенных характеристик человеческой психики, человеческого образа реальности. Совершенно иначе это представляется авторам, заложившим основы философии постмодерна, начиная с работ М. Фуко и далее к тетрадам Ф. Гваттари: «Отказываясь от соссюровской бинарной оппозиции, он постулирует более сложную и динамичную схему. Но самым важным в его семиотической концепции является, пожалуй, утверждение о том, что все эти смыслопорождающие конструкции не нуждаются в суверенном индивиде как своем носителе и центре. Всякое высказывание производится машинным планом, за которым не стоит никакой картезианский или феноменологический субъект как автор и хозяин высказывания. Сходную мысль высказывал в своей «археологии» М. Фуко: всякое высказывание обусловлено в своей возможности тем или иным исторически сложившимся дискурсом. Гваттари идет еще дальше: в любую эпоху, считает он, может возникать не единый и единственный, обусловленный диспозицией эпистемы и «архивом» дискурс, но бесконечное множество дискурсивных машин. Более того, эти машины лишь случайным образом могут соотноситься с индивидом или человечеством в целом. И действуют они не в рамках линейного течения истории, а «поперечно» ей» [3, с. 64].

Эта позиция, как нам представляется, может выступать в качестве основания для новой социальной эпистемологии, в которой бинаризм вовсе не отменяется, но становится лишь одним из возможных вариантов, который пригоден для описания весьма ограниченного числа социальных взаимодействий.

Сама социальная идентификация индивида в современных постиндустриальных обществах давно выступает как нелинейная многомерная топологическая структура, для которой бинаризм вовсе не является приемлемой социокультурной или эпистемологической формой. Возможности самоидентификации и самопрезентации человеком своей сущности представляются гораздо более широкими, не укладывающимися в рамки оппозиции «успешность – неуспешность», ведь то, что с одной точки зрения выглядит как неудача, может быть величайшим успехом в глазах самого социального субъекта или в системе ценностей некоторого микросообщества: культурной группы, половозрастной когорты, профессионального сообщества и т.п. В связи с этим, более современным и более подходящим является принцип идеографизма – парадигмальной установкой культурной традиции на рассмотрение реальности как принципиально неунифицированной и неунифицируемой, то есть не выражающейся средствами традиционной эпистемы, ориентированной на познание посредством поиска общих законов и описанию с помощью общих понятий. Предполагается, что переход от традиционной культуры к культуре неклассического типа знаменуется существенной переориентацией с номотетического стиля мышления на точку зрения идиографизма. Данная терминология введена В. Виндельбандом в контексте неокантианского дистанцирования естественнонаучного познания, ориентированного на номотетику (греч. *nomos* – закон и *tetio* – устанавливаю), и познания гуманитарного, опирающегося на идиографику (греч. *idios* – особенный, необычный и *grapho* – пишу). Так, естествознание, по Виндельбанду, имеет своей целью выявление и формулировку общих законов как выражающих устойчивые и повторяющиеся связи между явлениями, т.е. фиксацию неизменной формы, реальных событий, то гуманитарное познание видит свою цель в фиксации отдельных исторических фактов, выявлении их однократного, в самом себе определенного содержания [см. 5; статья «Идиографизм»].

Как может быть осуществлена данная установка в конкретных социальных и социально-психологических исследованиях? Прежде всего, это относится к доминирующим в нашем обществе, особенно в молодежной среде, социальным стереотипам, достаточно жестко разделяющим общество на людей, добившихся успеха, и т.н. неудачников. Среди последних часто оказываются люди, которые просто отказываются играть по определенным, порой навязанным правилам, люди, применяющие для оценки своей жизни иные, не вполне понятные большинству критерии. Едва ли кто-то прямо и непосредственно желает выглядеть неудачником или же действительно желает проиграть, опоздать, разориться. Социальное большинство полагает, что человеку следует избегать неудач

и поражений и что успешность должна быть если и не целью жизни, то, во всяком случае, ее неотъемлемой чертой. Люди не всегда понимают принципиальную условность и релятивность подобных суждений и, по сути, их полную неопределенность, хотя с точки зрения обывателя все выглядит достаточно ясно: проигрыш на соревнованиях, неудача в бизнесе, крах смысловых жизненных задач – все это примеры негативных событий. Люди действительно озабочены своим успехом, у каждого найдутся примеры впечатляющих достижений, по сравнению с которыми его собственные результаты выглядят более чем скромно. Страх быть или только прослыть неудачником вынуждает проявлять несвойственную в обычном состоянии пассионарность, а в случае неуспеха чувствовать себя достаточно дискомфортно. Так, в любом сообществе, волею или неволею, возникают две часто конфликтующие между собой позиции относительно понятий «успех – поражение», которую вполне можно соотнести с психологической оппозицией «оптимизм – пессимизм». Необходимо отметить, что далеко не всегда можно оценить просто и однозначно, насколько в действительности приемлем или эффективен тот или другой подход. Расхожий стереотип успешного индивида будет стремиться скорее к первому описанию, хотя, используя его, трудно объяснить, например, почему многие известные люди считали себя неудачниками, а в отношении многих человеческих занятий совершенно непонятно, какие критерии успеха мы должны назвать. Очень трудно сравнивать достижения музыканта или поэта с успешностью финансиста, или успех религиозного деятеля с успехом разработчика программного обеспечения.

Современные теории альтернативной социальности не предполагают наличия единых критериев оценки различных, чрезвычайно разнообразных жизненных сценариев. Более того, все возможные жизненные сценарии могут быть описаны вне рамок парадигматического подхода и рассмотрены как единая поливариантная структура – смысловое поле (или поле смысловых жизненных выборов), где любой конкретный выбор зависит лишь от индивидуальности каждого человека. С этой точки зрения неуспех или промедление часто является благом, помогающим избежать неверных решений, дающим возможность отказаться от действий, заранее обреченных на неудачу. Вопрос заключается лишь в том, чтобы возможный неуспех предвидеть заранее, не пытаясь при этом просто оправдывать собственное бездействие.

Такая позиция, нивелирующая расхожие представления об успешности, призвана объяснить или даже оправдать проигравшего, однако это возможно только при условии, что в реальности есть то, или же такие жизненные цели и ценности, перед лицом которых нельзя гордиться своими успехами, то, перед чем все люди равны, независимо от своих достиже-

ний, действительных или вымышленных. Так или иначе, это известно каждому, хотя не всем удается актуализировать подобное знание. Оно актуализируется ситуативно, существует немалый культурный пласт, воспитывающий в человеке готовность к поражению. Ближайшим примером является здесь более или менее ясно выраженная религиозная позиция, традиционно ориентированная на некие высшие ценности и рассматривающая социальную успешность с точки зрения высшего, трансцендентного идеала. Ясна также и общая антропологическая подоплека этой установки, которая может быть выражена одной фразой – все люди смертны. Это и есть та последняя реальность, последняя правда о человеке, перед лицом которой невозможно гордиться или возвеличиваться и которая заставляет даже наиболее социально вовлеченных людей задуматься о действительных ценностях и наших действительных перспективах. Это в значительной мере размывает профанный социальный дискурс, заставляет его делать некоторые уступки, иначе оценивая достижения людей и, соответственно, иначе относиться к т.н. неудачникам. Каждый участник социального взаимодействия понимает, что как бы хорошо он ни был подготовлен, что бы он ни делал и как бы хорошо это у него не получалось, в результате не может быть застрахован от неудачи, при этом, возможно, по причине, либо совершенно нелепой, либо совершенно случайной, как «случайная» и внезапная смерть в интерпретации булгаковского Воланда.

В известном смысле ответственность за неудачу должна быть возложена на ход событий и течение вещей и это действительно вполне универсальное и психологически непротиворечивое оправдание, различные формы которого можно найти в самых древних источниках. Достаточно вспомнить, сколько выдающихся проектов и великих начинаний терпели неудачу по самым ничтожным и непонятным причинам, стоит вспомнить крах уже упомянутого здесь Креза в изложении древнего историка. Часто дело заключается не столько в способах и обстоятельствах деятельности, сколько в исходной, глубокой внутренней мотивации человека, его общей ориентации на успех или неудачу. Для действительного «полного» неудачника, если бы таковой существовал, ни один вид деятельности не мог бы привести к успеху, хотя бы в силу привычки терпеть поражения.

В оценке будущих достижений существенно то, что в понимании многих людей удача не имеет временного измерения. Каждый хочет быть счастливым и успешным только здесь и теперь, отдаленное будущее здесь мало кого удовлетворяет, а прошлое и того меньше. Редко называют удачливым человека, который всю жизнь страдал и терпел лишения, был непризнан и несчастлив, но перед смертью получил признание. Здесь перед нами примеры гениальных, но несчастливых людей, биографии которых пол-

ны поучительных эпизодов: Ван Гог, А. Рембо, Э. По, Ф. Кафка, Ф. Гельдерлин, Ф. Ницше, Л. Блуа – этот список можно было бы продолжать бесконечно. Являются ли успешными основатели великих религиозных доктрин, ведь можно и их полагать неудачниками, как с точки зрения здравого смысла так и сути той проповеди любви и терпения, самоотречения и покаяния, того духа, который был преподан людям. Достаточно вспомнить жесткую и горькую оценку К. Поппера: «Утверждение о том, что мирской успех Церкви является доводом в пользу христианства, ясно показывает отсутствие веры. < ... > Тому, кто считает, что в истории успехов христианского учения проявляется воля Бога, следует задаться вопросом: действительно ли этот успех был успехом христианского духа?» [6, с. 315]. Если мы методологически размываем оппозицию успеха и неуспеха, то тем самым не можем остаться в рамках прежнего отношения к каждому члену данной оппозиции в отдельности. В этом случае следует признать, что мы должны переопределить, деконструировать представления об успешном человеке, с одной стороны, и неудачнике с другой. С точки зрения психологии, неудачник – существо двойственное. Он выглядит человеком достаточно инертным, постоянно оправдывающимся. Но верно и то, что за свою неуспешность он платит самую высокую личную цену, ведь для того чтобы стать статистической величиной в сводке потерь, необходима жертва, шаг вперед, возможно даже – вызов судьбе. В некотором смысле, каждый неудачник повторяет судьбу героев греческих трагедий. Но не менее двойственен и современный успешный человек. Наша повседневная жизнь, экономика, культура, общественные институты построены таким образом, что проигравшие нужны здесь как воздух, как питательная среда для производства нескольких успешных личностей. По иронии судьбы, именно эти успешные личности часто выглядят так, как будто неудача подстерегает их на каждом шагу. Их преследуют постоянный страх, подозрительность и беспокойство о сиюминутном. Напротив, нет более умиротворенного человека, чем настоящий, подлинный современный неудачник. Готовность нести ношу неудачника – это в то же время способность принять собственную свободу и действовать в условиях отсутствия привычных правил игры и стереотипов, навязанных агрессивной социальной средой. Ведь, в конце концов, даже аутсайдеры становятся доминирующим типом и начинают диктовать свою волю, превращаясь тем самым в сообщество лидеров. И тогда вновь встает вопрос о свободе, о том, как избежать желанного успеха и выпасть из замкнутого круга противостояния и борьбы.

В массовом сознании экономическое, социальное и культурное процветание едва ли не автоматически продуцирует человеческую свободу при условии, что последнюю понимают как способность к неограниченному использованию

и поглощению разнообразных объектов, продуктов, впечатлений. В итоге все сводится к одной принципиальной иллюзии, что потребляемое – это и есть сам человек, – человеческий мир, распадающийся на бесчисленные акты производства и потребления. Считается, что обладание этим миром – благо, потеря такого обладания – зло. Выход за рамки обладания и потребления доступен не каждому, но именно это выпадение и можно назвать действительной удачей. Но не превращается ли ничем не обладающий человек в ничто, в пустоту? Даосская доктрина полагает, что такое превращение должно быть целью всякого разумного существа, стремящегося к успеху, ибо только несуществование действительно неуязвимо. Итогом рассмотрения бинарной оппозиции «успех-неудача» должно стать радикальное переосмысление, если угодно, де-

струкция и деконструкция самого принципа бинаризма и ориентации на изначально заданные, а по сути, сконструированные общественные идеалы, понимание того обстоятельства, что сами эти ценности есть не что иное, как следствие вполне определенного исторического типа общественного устройства. При этом нельзя не замечать, что общество в своем движении постоянно продуцирует новые формы социальных практик и социально-культурного дискурса, которые если и не изменяют его полностью, то, во всяком случае, существенно влияют на его развитие. Учет этого обстоятельства должен быть связан с отказом от традиционных исследовательских приемов и созданием новой социальной эпистемы, поскольку лишь в этом случае социальное знание способно сохранить свой эвристический потенциал.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. Геродот. История. Пер. с древнегр. Г.А. Стратановского [Текст] / Геродот. – Л.: Наука, 1972. – 600 с.
2. Голубев С.В. Проблема «успеха» и «удачи» в социальной философии [Текст] // Философия и общество. – № 1, 2004. – С. 86-100.
3. Дьяков А.В. Феликс Гваттари: Шизоанализ и производство субъективности [Текст] / А.В. Дьяков. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2006. – 246 с.
4. Караханян Е.В. Социально-философская концепция успеха. Автореф. дис. канд. филос. наук. ... Спец. 09.00.11. – Социальная философия – Уфа: Башкирский гос. ун-т, 2009. – 30 с.
5. Культурология, XX век. Энциклопедия. В 2 т. Т. 1. Гл. ред. и сост. С.Я. Левит. [Текст]. – СПб.: Университетская книга, 1998.
6. Поппер К. Открытое общество и его враги. Т.2. [Текст] / К. Поппер. – М.: Феникс; Культурная инициатива, 1992. – 528 с.
7. Сосюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с фр. А.М. Сухотина [Текст] / Ф. де Сосюр. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 432 с.

Статья поступила в редакцию 04.06.2016

REFERENCES:

1. Gerodot, 1972. Istoriya. Per. s drevnegr. G.A. Stratanovskogo [History. Trans. with drevnegr. G.A. Stratanovskiy]. Nauka, Lviv (in Russian).
2. Golubev, S.V., 2004. Problema «uspeha» i «udachi» v sotsialnoy filosofii [The problem of «success» and «good luck» in social philosophy]. Filosofiya i obshchestvo 1, 86-100 (in Russian).
3. Dyakov, A.V., 2006. Feliks Gvattari: Shizoanaliz i proizvodstvo sub'ektivnosti [Felix Guattari: schizoanalysis and the production of subjectivity]. Izd-vo Kursk. gos. un-ta, Kursk (in Russian).
4. Karahanyan, E.V., 2009. Sotsialno-filosofskaya kontseptsiya uspeha [Socio-philosophical concept of success]. Sotsialnaya filosofiya. Bashkirskiy gos. un-t, Ufa (in Russian).
5. Kulturologiya XX vek. Entsiklopediya [Cultural twentieth century. Encyclopedia]. 1998. Universitetskaya kniga, SPb. (in Russian).
6. Popper K., 1992. Otkryitoe obshchestvo i ego vragi [The Open Society and Its Enemies]. Feniks; Kulturnaya initsiativa, Moscow (in Russian).
7. Sosyur, F. de., 1999. Kurs obschey lingvistiki. Per. s fr. A.M. Suhotina [Course in General Linguistics]. Izd-vo Uralskogo un-ta, Ekaterinburg (in Russian).

*Карпенко Сергей Русланович – кандидат философских наук
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
Адреса: 49010, м. Дніпро, пр. Гагаріна, 72*

*Karpenko Serhiy R. – PhD in philosophy
Oles Honchar Dnepropetrovsk national university
Address: 72, Gagarin Av., Dnipro, 49010, Ukraine
E-mail: sr.karpenko@meta.ua*

*Карпенко Сергей Русланович – кандидат философских наук
Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара
Адрес: 49010, г. Дніпро, пр. Гагаріна, 72*